

ШЭНЬ ЦЗЯЧЭН

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ЗАКЛИНАНИЯ КАК ФРАГМЕНТЫ РУССКИХ ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРОВ

В статье рассматриваются заклинания, входящие в состав русских любовных заговоров. В содержательном аспекте отмечается аморальный характер любовных заклинаний, принадлежащих к сфере вредоносной магии. С точки зрения синтаксической структуры выделяется два типа таких сакральных текстов – заклинания императивного и оптативного типов. Исследуется «внутренняя логика», синтаксическая структура и лексический состав рассматриваемых заклинаний.

Важной особенностью заклинаний является их иллюкутивная (воздействующая на реальность) природа, в связи с чем любой заклинательный текст представляет собой «магический речевой акт, при котором сила слова оказывает влияние на физическую реальность мира, а произносящий его оказывается посредником между изменяемой реальностью и высшими силами, призванными исполнить каузируемое действие» [1, с. 906]. Заклинания могут быть не только самостоятельной, «самодостаточной» словесной формулой, но и «составной частью более сложных вербальных форм – заговоров» [2, с. 258], которые, как правило, имеют стандартную композицию: зачин, представленный устойчивой формулой; эпическую часть, описывающую некое магическое пространство, культовые объекты или сверхъестественных персонажей; собственно заклинание – выраженная в императивной форме мольба, просьба или требование; формула-«закрепка».

В данной работе рассматриваются русские заклинания, являющиеся органической частью любовных заговоров, которые относятся к числу наиболее распространенных сакральных текстов. Следует отметить, что данный вид заговоров однозначно оценивается специалистами-мифологами как проявление «черной», магии, направленной на причинение вреда психическому и физическому здоровью человека: «На фоне церковного осмысления любви и брака любовная магия предстает, несомненно, как сфера кощунственная и антихристианская. Вместо неземного чувства, приобщающего человека к Богу, мы видим здесь низменную страсть, приносящую боль и протекающую подобно болезни. Вместо христианского брака – адские муки и отчаяние. Если брачный ритуал основан на свободном волеизъявлении, то любовная магия – насилие и принуждение» [3, с. 114]. Заклинания этого типа являются неотъемлемой частью любовной магии, которая «возникла из вредоносной, переняв все ее приемы воздействия на человека» [4, с. 299].

С синтаксической точки зрения рассматриваемые заклинательные тексты можно разделить на два типа: а) заклинания императивного типа и б) заклинания оптативного типа.

1 В заклинаниях императивного типа, выражающих с помощью глаголов повелительного наклонения открытое повеление, побуждение кого-либо к определенному действию, регулярно используется обращение к ветру как к посреднику, призванному исполнить «приворотную» волю заклинателя. Восприятие ветра как негативно осмысливаемой стихии глупо закономерно, поскольку ветер «в народных представлениях персонифицируется или наделяется свойствами демонического существа» [5, с. 357]. В частности, ветры, к которым обращены заклинания, называются либо именами людей – *Моисей* и *Лука* (прецедентные библейские имена – пророк *Моисей* и евангелист *Лука*?), либо именами, связанными со сторонами света – *Сток* (Восток), *Сивер* (Север), *Лето* (Юг). Роль ключевых слов в подобных

текстах выполняют императивные формы каузативных глаголов *дуть*, *винтить*, *распалить*, *присушить*, *свести* ‘соединить’, обозначающие действия, в результате которых объект заклипания должен тосковать и сохнуть; сравн. *сохнуть* ‘страдать от любви к кому-либо’ [6, с. 1243]: *Ветер Моисей, ветер Лука, ветры буйные, вихори! Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещеному; распалите и присушите медным припоем рабу (имя) ко мне, рабу Божью (имя). Сведите ее со мною – душа с душою, тело с телом и плоть с плотью* [7, с. 7]; *Помолюсь я трем братьям-ветрам: «Первый брат Сток, второй брат Сивер, третьей брат Лето! Внесите вы тоску и сухоту в рабицу Божью (имя), чтоб она по мне, рабе Божьем (имя), тосковала и сохла, не могла бы без меня ни дня дневать, ни часа часовать, отныне до века и во веки»* [7, с. 8].

Субъект магического вербального акта может обращаться к другой «мужской» стихии – огню – с просьбой «извлечь» из его собственной души испытываемые им любовные переживания (*тоску тоскучую и сухоту плакучую*) и перенести, «вложить» их в тело девушки/женщины, точнее – в ее жизненно важные органы, осмысляемые как «носители» любовного чувства: *Гой еси, огонь и польмя! Сослужите службу верную, великую: выньте из меня (имя) тоску тоскучую и сухоту плакучую; понесите ее через моря и реки и вложите ее в рабу Божью (имя) – в белую грудь, в ретивое сердце и в легкие, и в печень, чтоб она обо мне, рабе Божьем (имя), тосковала и горевала денно, ночью и нолуночно* [7, с. 12].

Иную образную основу имеет текст заклипания, в котором роль посредника выполняет более романтический символ – огненная стрела, которая, по замыслу и убеждению заклинателя, должна поразить сердце, кровь, уста и очи девушки в такой степени, чтобы она на протяжении всей жизни – *от века и до века* – тосковала и горевала, то есть испытывала не зависящее от ее воли сильное любовное чувство: *О ты, огненная стрела! Воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна девица (имя), полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарные уста, в ясные очи, в черные брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнце, на утренней заре, при младом месяце, на ветре-холоде, на прибылых днях и на убылых днях, отныне и до века* [7, с. 11].

Той же логической модели (просьба к «магическому помощнику «извлечь» его собственное любовное чувство и «вложить» его в тело объекта заклипания») соответствует содержание ритуально-магического текста, где в роли «помощников» выступают четыре ангела (святые евангелисты Лука, Иоанн, Марк и Матфей?): *Вы, четыре ангела, вырвите тоску-кручину из меня, раба (имя), из моего тела белого, из моих черных очей, из всех моих жил и суставов и недугов и вложите ту тоску-кручину в рабу (имя) – в ее тело белое, и в ее черны очи, и во все ее жилы и суставы, и недуги; чтобы раба (имя) тосковала по мне, рабе (имя), и горевала и во всей тоске пребывала, и никогда меня не забывала* [7, с. 17].

В некоторых случаях заклинатель обращается за помощью к демоническим персонажам, что, по мнению Е. Б. Смилянкой, обусловлено осознанием непристойности, греховности такого поступка: «В магическом любовном привороте обращение к нечистой силе и богоотступничество осознавались нередко как необходимая плата за испрашиваемые любовные утехы» [8, с. 174]. Так, в стремлении «зажигать» душу и тело «девицы-рабицы», заклинатель рассчитывает на помощь верховного представителя нечистой силы – Сатаны: *Гой еси ты, государь Сатана! Пошли на помощь ко мне, рабу твоему, часть бесов и дьяволов – Зеследер, Парластон, Коржан, Ардун, Купалолака – с огнями горящими и пламенем палящим, и чтоб они шли к рабице-девице и зажигали бы они по моему молодецкому слову ее душу, и тело, и буйную голову* [9, с. 84]. Употребленный в форме императива глагол *зажечь* реализует в данном случае, как и в следующем тексте, переносное значение ‘вызвать у кого-либо подъем чувств’ [6, с. 322]: *Уж ты худ бес! Кланяюсь я тебе и поклоняюсь: сослужи мне службу и сделай дружбу: зажги сердце (имя) по мне (имя) и зажги все печенья и легкое, и все суставы по мне (имя)* [10, с. 305].

2 Содержание заклинательных текстов оптативного характера представляется (по сравнению с рассмотренными выше примерами) менее категоричным, «смягчающим», поскольку в них лишь выражается желание, которое испытывает субъект речи. Построение

заклинаний-оптативов подчинено логической схеме, в основе которой лежит стремление субъекта речи привести желаемое (состояние объекта заклинания) в соответствие с действительностью – как позитивно, так и негативно осмысливаемой. Синтаксически подобные конструкции представляют собой сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительной связью между главной частью и придаточной частью со значением сравнения (союзные средства как ... так).

В качестве компаратора в таком случае может использоваться идеальный христианский образ – Богородица, испытывающая переживания за судьбу Сына: *Сидит в чистом поле сама Пресвятая Богородица Мати Божья. Как она скрипит и болит по своем Сыне, так бы по рабу Божьем (имя) раба Божья (имя) скрипела и болела, и в огне горела, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не есть* [7, с. 13].

В двух следующих заклинаниях в качестве компараторов используются более «приземленные» – связанные с рыбой – образы: в первом случае – идеальное расположение рыбьей чешуи отождествляется с плотным, прочным «прилеганием» мыслей девушки о субъекте речи; во втором случае «тошная», то есть трагическая для рыбы ситуация ее нахождения на песке или в горячей воде сравнивается с «тошным», то есть болезненным, неотступным любовным чувством девушки/женщины по отношению к заклинателю: *Как у белой рыбицы прилегла чешуя от головы до хвоста, так бы прилегли ко мне, рабу Божью (имя), у нее, рабы Божьей (имя), думы и мысли на всяк час и на всяк день в полном месяце и во все четные, во все двадцать четыре часа всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь; Рыба карась или плотица, как тебе тошно на желтых песках, без воды и без грязи, тошно тебе в горячей и кипучей воде, так бы было тошно рабе (имя) но рабе (имя), чтоб она, раба (имя), без меня быть не могла* [7, с. 14].

Образ тесно переплетенных ветвей дерева, отождествляемый с любовными отношениями, использован в следующем заклинании оптативного характера: *Как свиты вместе верхи на дереве на той реке Ласке, так бы свивалась раба Божия (имя) со мною, рабом Божьим (имя), в ветхе месяце, и в полне, и в перекрое ласкою своею и любовью всегда* [11, с. 429].

В рамках оптативной конструкции любовные чувства субъекта заклинания, испытываемые им по отношению к объекту магической речи, могут представляться как некий «образец» ответного чувства: *Как раб Божий (имя) любит рабу Божию (имя), так бы и раба Божия (имя) не могла без него ни жить, ни пить, ни есть, и любила, и почитала его лучше отца и матери, белого месяца и красного ясна солнышка, веки по веки, отныне до веку* [10, с. 313].

В некоторых случаях заклинание-оптатив может являться «сопутствующим» речевым актом – приговором, сопровождающим «приворотное» действие, совершаемое девушкой / женщиной по отношению к парню / мужчине. Сравн.: «Из-под правой ноги, из-под пятки, вырвать клочок травы и положить ее под потолочную балку, приговаривая следующее заклинание: *Как трава сия будет сохнуть во веки веков, так чтоб и он, раб Божий (имя) по мне, рабе Божьей (имя) сохнул душой и телом и тридесатью суставами*» [12, с. 45].

Последний пример соотносится с содержанием одного из фрагментов древнерусской баллады «Добрыня и Маринка», где киевская ведьма Марина Игнатьевна проводит ритуал привораживания, «присушки» Добрыни Никитича, заключающийся в помещении в печь «вырезанных» из земли его следов с одновременным произнесением заклинания в форме оптатива: *И в те поры Марине за беду стало, / Брала она следы горячие молодецкие, / Набирала Марина беремя дров, / А беремя дров белодубовых, / Клала дрова в печку муравлёную / Со теми следами горячими. / Разжигает дрова палящатым огнем, / И сама она дровам приговаривает: / «Сколь жарко дрова разгораются / Со теми следами молодецкими, / Разгоралось бы сердце молодецкое / Как у молодца Добрынюшки Никитьевича»* [13, с. 293].

В пределах одного любовного заговора могут использоваться оба вида заклинаний – как императивное, так и оптативные. Так, в одном из заговорных текстов субъект речи встречает на дороге трех магических персонажей – братьев Усыню, Бородиню и Никиту Маментия, к которым он, используя императивные формы глаголов, обращается с обычной для подобных текстов просьбой: *Подите вы, сходите, послужите мне, куда я вас пошлю, раб Божий (имя): зажгите вы ретивое сердце у рабы Божьей (имя)*. Далее эта просьба

конкретизируется и «углубляется» за счет нескольких параллельно употребленных оптативных конструкций, в которых в качестве компараторов выступают природные объекты, люди и животные: *как огонь горит в печи жарко-нажарко, не потухает, так бы ее сердце горело по рабе Божьем* (имя); *как мил весь белый свет, так бы я казался рабе Божьей* (имя) *краснее красного солнышка, светлее светлого месяца; как тоскует мать по дитяти, так бы раба Божья* (имя) *тосковала и горевала по рабе Божьем* (имя), *тосковало и горевало ее сердце; как тоскует младенец по титьке, так бы и она тосковала и горевало сердце у рабы Божьей* (имя) *по рабе Божьем* (имя); *как тоскует кобыла по жеребенке, корова по теленке, так бы раба Божья* (имя) *тосковала и горевало ее сердце по рабе Божьем* (имя); *как тоскует сука по щенятам, кошка по котяткам, утка по утятам, клуша по клушатам, так бы и она, раба Божья* (имя), *тосковала и горевало ее сердце по рабе Божьем* (имя) [7, с. 8–9].

Таким образом, любовные заклинания императивного и оптативного типов различаются не только синтаксическими особенностями (в первом случае они представлены простыми распространенными предложениями, а во втором – сложноподчиненными предложениями), но и содержанием: более «смягченные» оптативные заклинания употребляются в магической практике для выражения желания через использование различных образов-компараторов.

Список использованной литературы

- 1 Щеглова, Н. И. Заклинание как побудительный речевой акт в новозаветных текстах / Н. И. Щеглова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2017. – С. 905–916.
- 2 Толстая, С. М. Заклинание / С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М. : Междунар. отн., 1999. – С. 258–260.
- 3 Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М. : «Индрик», 2005. – 480 с.
- 4 Жуйкова М. В. Зачем Маринка сожгла следы Добрыни? (Заметки о происхождении любовной магии) / М. В. Жуйкова // Антропологический форум. – 2006. – №4. – С. 286–312.
- 5 Плотникова, А. А. Ветер / А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 357–361.
- 6 Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с
- 7 Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : Типография Майкова, 1869. – 164 с.
- 8 Смилянская, Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : «Индрик», 2003. – 464 с.
- 9 Миллер, В. Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры / В. Ф. Миллер // Русская мысль. – 1896. – № 7. – С. 66–89.
- 10 Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М. : Автор, 1992. – 607 с.
- 11 Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : «Индрик», 2010. – 832 с.
- 12 Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков). – Нижний Новгород, 1997. – 127 с.
- 13 Былины. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. – Л. : Сов. писатель, 1957. – 486 с.

The article discusses the spells that are part of Russian love spells. In the substantive aspect, the immoral nature of love spells belonging to the sphere of harmful magic is noted. From the point of view of the syntactic structure, two types of such sacred texts are distinguished – spells of imperative and optative types. The “internal logic”, syntactic structure and lexical composition of the spells under consideration are investigated.